

IX International Qualification School  
IX международная квалификационная школа

## НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕКСТ ХХІ ВЕКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

**Валерий Ефремов**

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена  
– Санкт-Петербург*

**Резюме.** В статье анализируется популярная разновидность современной словесности, посвященной языку, – лингвистическая публицистика. Описываются история и генезис жанра, выявляется типология жанра, исследуются ее границы и задачи. Отдельное внимание уделяется словарю как форме публицистического текста.

**Keywords:** linguistic journalism; modern social and cultural situation; dictionary

Лингвистическая публицистика для русской словесности – явление не новое: примером могут послужить великолепные образцы тонкого анализа метаморфоз языка, на которых выросло не одно поколение советских и постсоветских образованных людей: например, многократно переиздаваемые книги «Живой как жизнь» (1962) К. И. Чуковского или «Слово живое и мертвое» (1972) Н. Я. Галь. Формально посвященные описанию состояния русского языка периода оттепели и периода застоя, книги демонстрируют образцы высокого и тонкого анализа языка в социокультурной ситуации: так, в обеих работах большое внимание уделено такому значимому феномену второй половины XX века, как канцелярит.

Основное отличие лингвопублицистики от традиционных научно-популярных книг по языкознанию и русистике (например, работы В. В. Колесова, М. В. Панова, Л. В. Успенского и других) – это почти полная редукция просветительской (*как надо!*) и педагогической (*как не надо!*) прагматики за счет высокой эмоциональности письма и злободневности анализа языковых трансформаций сквозь призму социокультурной действительности: язык становится поводом для рассуждений об общественной жизни.

Актуализация лингвистической публицистики во второй половине 2000-х вполне объяснима: социальные катаклизмы 1980-х и 1990-х и сопутствующие им стремительные изменения в языке и культуре речи требовали для своего осмысления временного дистанцирования. Писатели, журналисты, филологи если и касались

вопросов состояния русского языка, то в двух жанрах: либо в виде колонок в печатных СМИ, либо в виде традиционных научно-популярных книг о русском языке.

**Генезис и границы жанра.** Во второй половине «нулевых» (2000-е) лингвистическая публицистика переживает своеобразный ренессанс, толчком к которому послужили три книги: «Словарь модных слов» (2005) В. И. Новикова, «Русский язык на грани нервного срыва» (2007) М. А. Кронгауза и «Словарный запас» (2008) Л. С. Рубинштейна. В начале 2010-х гг., помимо многочисленных переизданий указанных книг, выходят еще несколько основательных работ: «Русский со словарем» (2010) и «О чём речь» (2016) И. Б. Левонтиной, «Нулевые на кончике языка» (2012) Г. Ч. Гусейнова и «Самоучитель олбанского» (2013) М. А. Кронгауза.

Первые три работы и репрезентируют основные, гетерогенные типы лингво-публицистики: *профессиональная* (филологическая), *журналистская* и *писательская*.

(1) Лингвистическая публицистика по своим жанровым особенностям отличается от филологических коротких нарративов non-fiction конца XX – начала XXI веков, как то: заметки (М. Безродный) и очерки (А. Генис), байки (Е. Г. Водолазкин) и «виньетки» (А. К. Жолковский), ЖЖ-посты (Т. Н. Толстая) и словарные статьи придуманных слов (М. Н. Эпштейн). Главное отличие лингвопублицистики от перечисленных жанров – внимание не собственно к языку, а к экстралингвистическим факторам, определяющим его существование. В отличие от авторов научно-популярных книг, лингвисты-публицисты не призваны объяснить и научить: их задача – показать тонкие, плечные связи между изменениями в обществе и изменениями в языке. Представляется, что именно на стыке личного, пропущенного сквозь собственный (языковой) опыт, и профессионального, обусловленного длительным, «по рабочей необходимости» наблюдением за языком, и возникают эти своеобразные «заметки просвещенного обывателя» (М. А. Кронгауз).

В связи с наличием в общественном сознании разнообразных форм антинаучной, наивной лингвистики именно ученые могут и должны развеять существующие мифы: о порче и гибели родного языка, о скудости русского словаря, о неземной уникальности русского языка, о происхождении едва ли не всех языков из русского (см. деятельность лингвофриков). Делая это профессионально, на доступном широкому кругу читателей языке колумниста/бытописателя/очеркиста и одновременно будучи специалистом в языкознании, ученый через лингвистическую публицистику реализует одну из функций науки – просветительно-образовательную.

(2) Все упомянутые авторы имеют опыт работы в средствах массовой информации, а некоторые из них – научные культуртрегеры современной России. Именно журналистские навыки во многом определяют языковую специфику лингвистической публицистики: доступность языка, умение говорить о сложных вопросах легко и просто, богатая иллюстративность, высокая степень диалогичности. Такой подход позволяет реализовать другую функцию лингвопублицистики – функцию воздействия, привлечения внимания к актуальным проблемам и языка, и культуры.

(3) Третий источник лингвопублицистики – писательство. Л. С. Рубинштейн и В. И. Новиков – это прежде всего талантливые писатели. Именно этим обусловлено трепетное внимание к языковой ткани текста (ср. «Роман с языком» В. И. Новикова), к изменениям в окружающем языке и социуме.

Все вышеназванные произведения лингвопублицистики в полной мере отражают культурную эпоху постмодернизма и соответствуют его характеристикам. В каждой из книг находим такие признаки текста постнеклассической эпохи, как сверхактуальность, бриколаж, синтетичность, (чрезмерная) цитатность, гипертекстуальность, игра с текстом на уровне формы и содержания, пародирование и ирония. Причем обязательная для лингвопублицистики ирония принимает разные формы в зависимости от идиостиля автора: от мудрой и интеллигентной оценки Л. С. Рубинштейна до злого, граничащего с мизантропией сарказма Г. Ч. Гусейнова.

Обобщение актуальных лингвистических, социальных, культурологических, философских проблем в указанных работах происходит не только на основе конкретных фактов, но и через художественное выявление ассоциативных связей, через апелляцию к общему языковому и историческому опыту, к архетипическим пластам русского языкового сознания. Ср.: «”Франция” – это уже некоторое фрондерство, а вообще-то “дружба народов” распространялась в основном на территорию СССР и на страны народной демократии, куда на защиту пошатнувшейся дружбы иногда приходилось отправлять ограниченные воинские соединения. Но что пожалеешь ради дружбы. Дружба же всего дороже, как было сказано» (Rubenstein, 2008: 38).

Сама жанровая контаминация (то ли очерк, то ли эссе, то ли мысли вслух, то ли серьезная статья) – также знаковая характеристика лингвопублицистики, совершенно чуждая и научно-популярным текстам, и работам предшественников (ср. с рефлексией В. И. Новикова: «Это открытая литературно-публицистическая книга, которая *пишется* индивидуальным автором и отражает его позицию по самым разным вопросам» (Novikov, 2013)).

Другая важная черта постмодернистского текста – использование готовых форм.

**Форма жанра.** Главным отличием современной лингвопублицистики от других форм филологической беллетристики следует признать саму форму изложения материала: три из четырех названных автора создают свои тексты в виде словаря – новой (со времен М. Павича) и любимой игрушки современных писателей.

Следует отметить, что жанровая форма словаря в конце XX – начале XXI веков переживает своеобразный бум – причем не только в науке: так, за последние 20 лет в России вышло огромное число разнообразных и разнокачественных словарей, суммарно превышающее количество всех лексикографических изданий, выпущенных в СССР. Однако с середины 2000-х словари – это уже не только научное или учебное издание, но и форма публицистического анализа социальной действительности.

Так, с 2006-го по 2012-й московский журнал «Большой город» каждый декабрь публиковал специальный итоговый аналитический выпуск под наз-

ванием «Словарь года», который, несмотря на ту же постмодернистскую иронию и определенную долю субъективного отбора слов, не только максимально точно выдерживал избранную форму, но и представлял собой серьезное исследование социальных изменений, произошедших в стране за год, – и вновь сквозь призму языка. В эти словари входят зафиксированные лингвистами неологизмы (*гуглить*, *экосексуал*), удачные окказионализмы (*охренищенко*, *чичваркинг*), переосмысленные слова или слова, развившие новое значение (*жест*, *модернизация*), популярные слоганы или цитаты (*все входящие бесплатно*; *Лет ми спик фром май харт*), имена собственные, в том числе находящиеся на стадии перехода в нарицательные (*Бондарчук*, *Куцевская*).

Существующим исключительно в интернете является другой проект – «Lenta.ru. Словарь. Трудности перевода» (<http://x.lenta.ru/abc/>), законченный в 2009 году и призванный помочь тем, кто сталкивается со словами и предложениями, обозначающими новые реалии или характерными для новых субкультур (*падонки*, *пацаны*, *блондинки*, etc). Самое интересное в этом словаре – это то, что он описывает не столько языковые единицы и имеющие широкое хождение фразы (по интернет-традиции авторы словаря называют их «мемами»), сколько социокультурный аспект самой реалии, словом названной. Более того, в некоторых случаях, помимо собственно лингвокультурологической информации, в словарной статье содержится вполне надежная систематика объекта описания. Ср.: «**Геймер** (от англо-американского *gamer*, вариант *гамер*) – играющий в сетевые игры (*гамы*, *гамесы* – от *games*), представитель сети глобальных многоязычных субкультур, объединенных вокруг сложноорганизованных виртуальных стратегических кампаний. Нельзя с уверенностью сказать, является ли слово *геймер* авторитетным самоназванием или это лишь слово-прикрытие для окружающих, многие из которых считают всю геймерскую субкультуру частью всемирного заговора с целью зомбирования большинства населения планеты. Степень причастности к геймерской сцене варьирует от *казуала* (от латинско-англо-американского *casualis*, *casual*, букв. «случайный»), принимающего участие в игровых сессиях скорее в качестве наблюдателя, до *хардкорищика* (*тру-хардкорищика*, *мега-тру-хардкорищика*, на жаргоне падонок *труЪ хардкорищика*, из англо-американского *hardcore*), внешне уже не отличимого от кибердрочера или задрота, но отличающегося от последних наличием более развитого цехового жаргона» (Gamer, 2009).

Причина востребованности именно матрицы словаря для описания современной действительности понятна: «использование словарной формы позволяет в полной мере /.../ выявить важнейшую функцию словарной формы – функцию фиксации знаний о внеязыковой действительности, фактически функцию отражения картины мира» (Zaykovskaya, 2011: 6).

Кроме того, в лингвопублицистике словарная форма позволяет не только объединять разнородные и написанные подчас в разное время и даже разными авторами субтексты, но и вызывать в сознании читателя представление о словаре как об

авторитетном источнике информации, что повышает в глазах читателя значимость любого текста, созданного в виде словаря. Ср. редакторский комментарий к книге Л. С. Рубинштейна: «Мы расположили эти тексты не в хронологическом порядке, который читатель легко восстановит с помощью собственной памяти или интернета, а в виде своеобразного словаря современной политической культуры, толкующего ключевые понятия сегодняшней общественной жизни» (Rubenstein, 2008: 5).

Напомним, что и Г. Ч. Гусейнов стал известен широкой публике прежде всего благодаря книге-словарю «ДСП. Материалы к русскому словарю общественно-политического языка» (2003), атрибутируемой как «коллективный словесный портрет советского и постсоветского времени», который «может быть использован не только как справочное пособие, но и как «путеводитель» по эпохе» (Guseynov, 2003: 3).

Кроме того, словарная форма позволяет совершенствовать книгу, привносить новое и уточнять старое по мере необходимости и републикаций: текст становится максимально открытым для изменений, обусловленных волей автора или изменениями языковой действительности: «Постепенно составляется книга, которая растет и обновляется от издания к изданию. На переплете под названием имеется подзаголовок – «Языковая картина современности». Рисовать картину предстоит еще долго, пока живы автор и его великий соавтор, его «натурщик» – русский язык» (Novikov, 2013).

Итак, и сугубо публицистические, и культурологические тексты, воплощенные в виде словаря, преследуя разные цели, пользуются одинаковой, востребованной временем формой выражения: «Сама природа этих текстов связана со словарной формой, предполагающей разговор «без кавычек», разговор, в котором вещи называются своими именами» (Rubinstein, 2008: 5).

**Цель жанра.** Представляется, что расцвет современной лингвопублицистики во многом связан с диссонансом между ускоряющимся временем и стремительными, но трудно поддающимися фиксации или не фиксируемыми вообще изменениями языка.

Ученые и прежде всего лексикографы далеко не всё и не всегда успевают отразить в словарях и справочниках. Лингвистическая публицистика тем и хороша, что тонко чувствующий трансформации языка автор пытается привлечь внимание читателя к тем подчас крохотным подвижкам, которые не замечает обыватель. Именно сплав личного и публичного опыта, интимных отношений с языком и социальных обязательств ученого/писателя/журналиста и приводит к уникальности жанра лингвистической публицистики, в которой «публицист и художник рассуждает об общественном, всеобщем через сугубо интимное – свой языковой опыт» (А. Генис).

Следовательно, основная цель лингвистической публицистики – привлечение к актуальным вопросам состояния языка на фоне стремительно меняющейся социокультурной реальности.

## REFERENCES/LITERATURA

- Guseynov G. (2003). *D.S.P.: Materialy k russkomu slovaryu obshchestvenno-politicheskogo yazyka XX veka*. Moskva: Tri kvadrata. [Гусейнов Г. (2003). *Д.С.П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века*. Москва: Три квадрата.]
- Zaykovskaya, I. (2011). *Assotsiativno-semanticheskiy potentsial i tekstovyye realizatsii leksicheskoy paradigmy «slovar'»: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk*. Sankt-Peterburg: RGPU im. A. I. Gertsena. [Зайковская, И. (2011). *Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «словарь»: диссертация кандидата филологических наук*. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена.]
- Novikov V. (2013). *Piratit' russkikh neetichno* // Svobodnaya Pressa, 20.04.2013, <http://svpressa.ru/culture/article/67065/> [Новиков В. (2013). *Пиратить русских неэтично* // Свободная Пресса, 20.04.2013, <http://svpressa.ru/culture/article/67065/>]
- Rubinshtein L. (2008). *Slovarnyy zapas*. Moskva: Novoye izdatel'stvo. [Рубинштейн Л. (2008). *Словарный запас*. Москва: Новое издательство.]
- Gamer. (2009) // Slovar'. Trudnosti perevoda Lenta.ru, <http://x.lenta.ru/abc/0551.htm> [Геймер (2009) // Словарь. Трудности перевода Lenta.ru, <http://x.lenta.ru/abc/0551.htm>]

## CONTEMPORARY POPULAR SCIENTIFIC TEXT: LINGUISTIC JOURNALISM

**Abstract.** The paper is devoted to analyse the popular form of modern literature concerning language – linguistic journalism. In the article the history and genesis of this genre are described, a typology of the genre is researched, the limits and aim of such texts are explored. Special attention is paid to the dictionary as a form of linguistic journalism.

✉ **Prof. Valeriy Efremov, DSc.**

Russian Language Department  
Herzen State Pedagogical University of Russia  
Saint Petersburg, Russia  
E-mail: [valef@mail.ru](mailto:valef@mail.ru)